(cc) BY

Якушенкова Олеся Сергеевна
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
г. Астрахань, Астраханская область

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

***Аннотация**: статья посвящена проблеме соотношения массовой культуры и культурной безопасности. Нередко попытки сохранить культуру приводят к стремлению ограничить и подчинить массовую культуру. Автор на примере различных фактов показывает, что массовая культура отнюдь не всегда угрожает культурной безопасности, поскольку в некоторых случаях она становится средством ретрансляции традиционных культурных паттернов.*

***Ключевые слова**: массовая культура, культурная безопасность, СМИ, КНР, Южная Корея.*

В последнее время все чаще слышны призывы к защите культуры и разработке идеи культурной безопасности. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», подписанной Д.А. Медведевым в 2009 г., одной из главных угроз национальной безопасности в сфере культуры называется «засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев» [5]. Принятый в 2015 году и пришедший на смену «Стратегии» указ президента формулирует угрозу культурной безопасности несколько более расплывчато, понимая под ней «распространение низкокачественной продукции массовой культуры» [6]. Подобный подход, при котором массовая культура воспринимается достаточно негативно, отразился не только в законодательной сфере. Многие отечественные исследователи также пишут о необходимости либо ограничить распространение массовой культуры, либо подчинить его жесткому контролю. К примеру, д*октор философских наук А.В. Костина в статье «Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры»* говорит о необходимости государственного контроля за массовой культурой [2]. Два других отечественных исследователя, Е.С. Скрябина

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

и Е.А. Приходько отмечают, что появление массовой культуры приводит к понижению статуса культуры в целом, поскольку в результате культура понимается не как конечная цель человечества, а как средство, способствующее достижению жизненного успеха [4, с. 87].

Почему же массовая культура вызывает столь негативную оценку со стороны политических деятелей и некоторых ученых? Для начала необходимо разобраться в сути самого явления. Американский философ Дуайт Макдональд, занимавшийся вопросами соотношения массовой и элитарной культур и введший в обиход слово «масскульт», характеризовал это явление достаточно негативно. По его мнению, несмотря на то, что масскульт является продолжением народного искусства, связь между массовой и другими формами культуры во многом может быть передана через связь гусеницы и листа, и массовая культура истощает традиционную также, как фронтирмены истощают землю, и потому не может считаться «хорошей» [11, с. 40]. Он же понимает массовую культуру как средство политического контроля и доминирования [11, с. 40].

Однако, такой взгляд неединственный. Российский семиотик и культуролог В.П. Руднев отмечает, что массовая культура формируется в XX веке не только благодаря развитию техники, но и в связи с развитием демократии в мире, и именно поэтому она наиболее активно формируется в демократических обществах. По его мнению, в тоталитарном обществе не может быть массовой культуры [3, с. 156].

Уже упомянутая выше доктор философских наук А.В. Костина, рассматривает массовую культуру как механизм социальной регуляции, гармонизации и стабилизации [1, с. 34]. По ее мнению, массовая культура становится одним из механизмов социализации, выполняя ценностно ориентационные функции [1, с. 31]. Кроме того, она же «является сегодня универсальным каналом трансляции основных смыслов культуры, подчиняющим своему формату все, что попадает в сферу ее влияния» [1, с. 34].

Исходя из этого, можно говорить об определенной роли массовой культуры в ретрансляции традиционных паттернов и ценностей. Подобный тезис можно

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

подкрепить примерами из китайской массовой культуры с ее бесконечными экранизациями классических романов «Троецарствие», «Путешествие на Запад» и т. д., каждый год получающих новые воплощения в виде полнометражных фильмов, сериалов и мультсериалов. Кроме того, эти романы выпускаются также в виде китайской разновидности комикса – «манхуа», и даже онлайн-игр. Конечно, нередко новый продукт весьма отдаленно напоминает оригинал, а масскульт можно критиковать за создание симулякров, однако, это также позволяет культуре ретранслировать традиционные символы и подготавливать носителей культуры к восприятию изначального месседжа с малых лет. Стирая границы внутри самой культуры и адаптируя классические произведения под требования новых поколей, китайский масскульт делает классические романы более «доступными» для самого широкого круга читателей. То же можно сказать и о китайской опере, элементы которой нередко включаются в состав популярных песен, крутящихся по радио и тв. Поскольку опера воспринимается как неотъемлемая часть традиционной культуры, ее включение в композицию популярного произведения расширяет круг потребителей, одновременно поднимая «планку» качества, пусть даже формально. Кроме того, популярные музыканты нередко обращаются к классическим оперным темам, представляя их в новом свете, что опять-таки влияет на популярность оригинала.

На примере КНР также видно, что за попытками контроля за массовой культурой часто стоят идеи политического доминирования. Здесь нередко принимаются законодательные акты, запрещающие тем или иным зарубежным исполнителям выступать и распространять свою музыку на территории страны. Последний такой акт, вступивший в силу в августе 2016 г., направлен на ограничение выступлений южнокорейских артистов и показа тв-передач и был спровоцирован в большей степени нестабильной политической обстановкой в регионе, нежели засильем корейской поп-музыки [7; 9].

При разработке идеи о культурной безопасности и защите «традиционной культуры» нередко указывается, что масскульт является продуктом других государств, в частности, здесь вина нередко падает на США. Однако, в реальности

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

все несколько сложнее. Британские исследователи Ларс Виллнат и Карин Вилкинс, анализируя влияние масс-медиа на традиционную культуру Гонконга, пришли к выводу, что, хотя непосредственное воздействие СМИ на формирование оценочных суждений в обществе невозможно отрицать, однако эффект воздействия может иметь самый разнообразный оттенок [13, p. 42]. Часть зрителей, отдавая предпочтения западным объектам масскульта, проявляет лишь слабые сдвиги в восприятии собственной традиционной культуры. Иными словами, массовая культура, формирующаяся при воздействии культур других регионов, едва затрагивает базовые паттерны, а глобальный эффект может быть заметен лишь при длительном воздействии на несколько поколений носителей изначальной культуры.

Кроме того, массовая культура не является лишь продуктом какого-то конкретного государства или региона, хотя бы потому, что масскульт формируется при совмещении технических возможностей и, как мы отмечали выше, политических условий. В современном мире, в котором активно происходят процессы глобализации и глокализации, мы видим, как различные волны популярности тех или иных объектов массовой культуры идут одновременно из множества разных точек, перекрывая друг друга и смешиваясь. В качестве примера стоит привести небывалую популярность южнокорейской поп-музыки на Западе, которая стала возможной именно благодаря совмещению технических средств и смешению различных культурных контекстов. Корейская волна, или Халлю, как ее прозвали в КНР, в 90е годы захлестнула близлежащие страны [12, с. 2], а в 2012 г. самым просматриваемым видеороликом в мире стал клип корейского музыканта Psy, набравший 2.2 миллиарда просмотров [14]. Некоторые исследователи усматривают в подобной популярности универсальность конфуцианских семейных ценностей традиционной корейской культуры, представленных в сериалах (что, возможно, справедливо для Дальнего Востока), и ярко выраженную гибридность к-попа (т.е. корейской поп-музыки) [12, с. 2]. Иными словами, сейчас у Южной Кореи получается балансировать на грани двух казалось бы противоположных

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

факторов – принятием эффектов глобализации и ростом национального самосознания [12, с. 2]. Интересно, что халлю, чье появление было связано с экономическим кризисом в 90-х гг. [8, с. 43], повлекшим за собой перевод инвестиций в сферу масс-медиа, теперь обеспечивает огромные финансовые вливания в корейскую экономику [10], рост туристической активности [10], а также растущую популярность корейского языка в мире [12, с. 75].

На данном примере замечательно видно, как такое явление как массовая культура позволяет вывести государство из экономического кризиса и помочь популяризовать и поддержать его культуру (в том числе и традиционную) в мире. Таким образом, на наш взгляд, говоря о культурной безопасности и защите культуры необходимо четко представлять, что именно мы хотим защищать, ведь культура сама по себе не является застывшим организмом или неким артефактом, доставшимся нам от прошлых поколений и который можно поместить под стекло. Массовая культура, представляя собой своеобразное зеркало, в котором отражаются все базовые потребности и устремления общества, является на данный момент неотъемлемой частью самой культуры, и любые попытки ее «выкорчевать» или ограничить в итоге могут привести к эффекту прямо противоположному нашим ожиданиям.

Список литературы

1. Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – №1. – С. 28–35.

2. Костина А.В. Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры // Знание, понимание, умение. – 2015. – №3. – С. 109–119.

3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф. – 1999. – 384 с.

4. Скрябина Е.С. Массовая культура как форма современной культуры / Е.С. Скрябина, Е.А. Приходько // Успехи современного естествознания. – 2013. – №8. – С. 87

5. Совет безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации о стратегии национальной безопасности Российской Федерации до

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2020 года от 12 мая 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 15.10.2016).

6. Указ Президента Российской Федерации о стратегии национальной безопасности Российской Федерации, от 31 дек. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 15.10.2016).

7. China Takes Aim at K-Pop Stars Amid Korean Missile-Defense Dispute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billboard.com/articles/columns/k-town/7454475/china-kpop-korean-missile-defense-dispute (дата обращения: 15.10.2016).

8. Hjorth L. Khoo O. Routledge Handbook of New Media in Asia. – NY: Routledge. – 2016. – 488 p.

9. Is China banning South Korean entertainers over THAAD deployment? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shanghaiist.com/2016/08/04/korean_entertainment_ban.php

10. Korean Wave Hallyu Abroad Waning [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.koreatimes.co.kr/www/news/special/2008/05/180_23641.html (дата обращения: 15.10.2016).

11. Macdonald D. A theory of Mass Culture// Popular Culture: A Reader. Ed. By Raiford Guins, Omayra Zaragoza Cruz. – London: Sage Publication Ltd. – 2005. – P. 39–46

12. Marinescu V. The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound. – Lanham: Lexington books. – 2014. – 162 p.

13. McIntyre B.T. Mass Media in the Asian Pacific. – Clevedon: Multilingual Matters LTD. – 1998. – 101 p.

14. YouTube's 10th Anniversary: Watch the Top 10 Most Viewed Videos to Date [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billboard.com/articles/news/6472921/youtubes-10th-anniversary-watch-the-top-10-most-viewed-videos-to-date (дата обращения: 15.10.2016).

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)